

В-75

9857-к

АЛЕКСЕЙ ВОРОБЬЕВ

КОЛОДЦЫ

Национальная библиотека ЧР

k-009857

И 9857-к

✓

АЛЕКСЕЙ ВОРОБЬЕВ
КОЛОДЦЫ

К С С Ч У В
В 7 5

СТИХИ И ПОЭМЫ

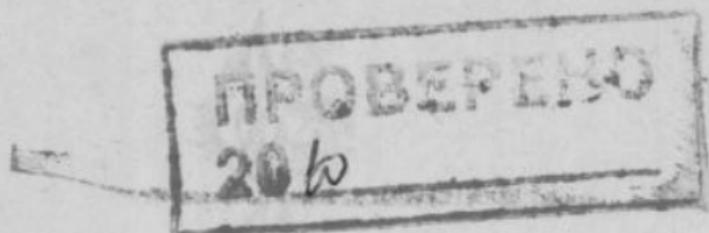
Перевод с чувашского

«СОВРЕМЕННОСТЬ» • МОСКВА • 1978

070/110/10

С(Чув)
В75

КОЛОДЦЫ

Воробьев А. А.

В75 Колодцы. Стихи и поэмы. Пер. с чуваш. Вступит. статья В. Кочеткова. М., «Современник», 1978.

126 с. с ил.

Поэтическое наследие чувашского поэта Алексея Воробьева — его стихи и поэмы наполнены любовью к окружающему миру, к людям родной земли, к ее природе.

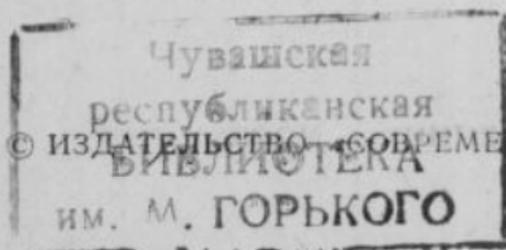
Большой талант, пристальный взгляд в прошлое в соотношении с настоящим и будущим позволили создать Алексею Воробьеву замечательные поэтические полотна — поэмы «Ветла», «Кибенек», «Цивильский мост» — своеобразную и самобытную по своей сути поэтическую летопись одного из народов нашей страны, пробужденного к жизни Октябрем.

Душевностью и человеческой добротой отмечены лирические стихи Алексея Воробьева.

В $\frac{70403-086}{M106(03)-78}$ 226-78

С(Чув)

~ 9857-к

СЛОВО, ОТМЕЧЕННОЕ ПЕЧАТЬЮ НАРОДНОСТИ

Алексей Воробьев пришел в чувашскую литературу уже зрелым человеком.

Представитель фронтового поколения он исколесил немало мирных и военных дорог, прежде чем взяться за перо. Первая книга стихотворений Алексея Воробьева увидела свет в 1958 году, когда поэту было уже тридцать шесть лет. Примечательно название книги — «Разговор в поле». Ведь Воробьев пришел в поэзию в буквальном смысле с колхозного поля. Перед тем как окончательно перейти на литературную работу, Воробьев перепробовал многие профессии — был агрономом, директором МТС, председателем колхоза.

В поэзию Воробьев принес не только и не столько жар молодости, сколько опыт труда, зрелые впечатления пережитого, отличное — не книжное — знание народной жизни, народных характеров.

Алексей Александрович Воробьев родился в чувашской деревне Большие Яуши, что раскинулась на берегу Цивиля, усаженного ветлами. Родная речка и родные ветлы стали как бы главными приметами лирического пейзажа в поэзии Алексея Воробьева.

В «Автобиографии» он так рассказывал о своей родословной:

«Мои родители, как и предки, сеяли хлеб, держали скот — лошадь, корову и, как говорится, ходили в середняках. Отец был трудолюбив, очень вспыльчив, но весельчак, немножко хвастун, как все, кто побывал на войне. Любил рассказывать про «баталши», как он сам выражался, при этом хвастался, что пули его боялись, как заговоренного. Однако в последней войне — Отечественной — пуля не пощадила ветерана трех войн. Отец погиб в 1944 году под Витебском».

Детство Алексея Воробьева прошло в деревне. Он был свидетелем великого перелома в судьбе чувашского крестьянства, свидетелем совсем юным, но достаточно зорким и памятливым, чтоб надолго сохранить в душе грозные отсветы тех лет и отразить их пером в своих замечательных поэмах.

«Было суровое время, — пишет он в «Автобиографии», — разгар классовой борьбы — полным ходом шла коллективизация. Часто ночное небо озарялось

пламенем пожаров. Бывало, ночную тишину раскалывал одиночный выстрел. Враги не спали, боролись против колхозного строя. Никогда не забыть нам то, полное драматизма, время. Вот сгорел дотла дом коммуниста Спиридона Иванова, одного из первых организаторов колхоза. А вот, сраженный кулацкой пулей, пал наш сверстник, пионер Хрисан Степанов».

Позже Воробьев напишет целую поэму о своем товарище детства, убитом врагами колхозного строя. А в поэме «Ветла» словами точными и жгучими расскажет о первых колхозных веснах. Вообще же годы великого перелома стали своеобразным камертоном всей поэзии Алексея Воробьева. Он неоднократно возвращался к ним мыслью, стараясь еще и еще раз запечатлеть круговерть социальной борьбы, показать, как социалистическая новь преобразила и землю чувашскую, и душу чуваша-землероба.

Этим далям я не посторонний,
Берегам цивильским —
Не чужой.

Только память
Невзначай затронет
Те года,
Что за войной-межой, —
И одна картина за другую
Перед взором мысленным встает.
Под высокой радугой-дугою
Колокольчик свадебный поет.

Прозвени гармоникой двухрядной,
Юности орлиная душа,
И любовь,
Жарка и безоглядна,
И печаль,
Как песня, хороша.
Мы тогда не жили —
А боролись,
В диспутах выросли и росли,
С Чкаловым летели
Через полюс,
Тракторы с Анжелиной вели.

В биографии своей республики, в делах и думах своей комсомольской юности Алексей Воробьев открыл

неисчерпаемый источник творчества. Его поэзия отличается единством восприятия мира, цельностью художественного видения, замечательной последовательностью в разработке темы народной судьбы.

С особой пристальностью вглядывается Воробьев во фронтовые страницы своей юности. Всего полгода провел Алексей Воробьев на войне, но в эти полгода вместилось столько событий и испытаний, сколько хватило бы на десятки человеческих жизней. В мае 1942 года поэт надел солдатскую шинель, а в июне он был уже на фронте. Воробьеву выпала честь быть среди защитников Сталинграда. Там, в Сталинграде, он и был тяжело ранен. Несколько месяцев пролежал на госпитальной койке. А потом, как инвалид, был списан «по чистой». В начале 1943 года он уже агроном в родном колхозе, а год спустя председатель колхоза. Наша литература создала немало произведений, посвященных трудовому подвигу колхозного крестьянства в годы Отечественной войны. Подвиг этот не случайно приравнивается к ратному подвигу советского солдата. Не за страх, а за совесть работали люди на колхозных полях, обеспечивая хлебом насущным шагающий на запад фронт. В золотой книге трудового мужества советских людей есть и строка Алексея Воробьева, фронтовика-инвалида, председателя колхоза в чувашской деревне Большие Яуши.

Но его все чаще тянуло к письменному столу, к стопке чистых листов бумаги, все настойчивее искали выхода лирические строки о юности и о любви, о делах и думах близких ему людей.

«В 1957 году переехал в Чебоксары на постоянное жительство. С тех пор окончательно перешел на литературный труд». Этими строками из «Автобиографии» Воробьева я и хочу закончить короткий рассказ о жизненном пути замечательного чувашского поэта.

Менее двух десятилетий отвела ему судьба на литературную работу. Он умер в 1976 году, в расцвете творческих сил, в самом разгаре работы над новой поэмой. Он не успел реализовать и малой части своих замыслов. Но то, что им написано, ставит Воробьева в ряд лучших чувашских советских поэтов. В его стихах и поэмах всегда есть и «детства поседевший негатив», и впечатляющие картины современности, и раздумья о будущем.

«Лирика Алексея Воробьева, — писал критик Александр Макаров, тонкий знаток многонациональной советской поэзии, — родственная по своему образному строю поэзии Ухсяя, — явление незаурядное. От его стихов веет сердечностью и непосредственностью, даже как бы простодушием, но каким-то особенным, умным, возбуждающим любовь к жизни и прекрасному в ней». Тут верно подмечены и родовые корни поэзии Воробьева, и ее «лица необщее выражение». Я только бы добавил к этому, что Воробьев учился не только в школе Якова Ухсяя, автора замечательной, подлинно народной поэмы «Дед Кельбук», но и в школе новаторской, пафосной поэзии Сеспеля, и в школе философской лирики Педера Хузангая. И, конечно же, он не прошел мимо наиболее родственных ему явлений поэзии русской и украинской, белорусской и татарской, азербайджанской и башкирской. В книгах его внимательный читатель найдет творческую переключку с Петрусем Бровкой и Мустаем Каримом, с Андреем Малышко и Михаилом Исаковским, с Заки Нури и Давидом Кугультиновым.

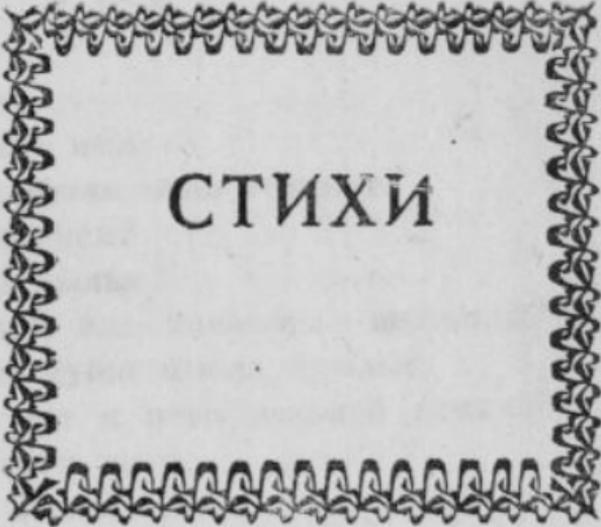
Алексей Воробьев хорошо вписывается в картину сегодняшней советской поэзии с ее пристальным вниманием к народным судьбам, с ее высокой гражданственностью, с ее обостренной думой о прошлом и будущем. Образ Советской Чувашии, образ народа, возрожденного Советской властью к активной творческой жизни, встает со страниц его поэм «Хрисан», «Ветла», «Цивильский мост». Зрелыми раздумьями над смыслом жизни отмечена поэма «Кибенек».

По душе и крови — я крестьянин,
черная работа мне сестра —

так писал Алексей Воробьев в книге «Свет зари». Печать настоящей, «черной» работы, печать большого труда, печать чисто народного понимания слова и дела лежит на всей его поэзии.

Он был высок ростом, с простым крестьянским лицом, на котором живо посверкивали усталые, внимательные глаза. Говорил он мало. Он больше любил слушать собеседника. Всякий раз, когда я встречался с этим молчаливым, сосредоточенным человеком, я обращал внимание на его крупные, узловатые, рабочие руки. Он был труженик и в жизни и в поэзии.

Виктор Кочетков

СТИХИ

* * *

Чем стану я,
Забыв мирское имя,
Когда у вас земля меня отнимет?
Водой иль камнем?
Облаком иль пылью?
Комком земли иль колоском пшеницы?
Ах, если бы душа имела крылья,
Я пролетел бы в небо вольной птицей!
Равно, чем стать мне:
Былью иль былиной,
Зарницей или песней журавлиной.
Но я стремился жизнь свою прожить,
Чтоб каждой каплей крови
Дорожить.

ВЫСОКАЯ ВОЛНА

Из своего медвежьего угла —
Да прямо к морю.
В первый раз, не скрою,
Лицом к лицу я встретился с волною,
Что выше дома моего была.
Дика. Прекрасна. Быль и небылица.
Как белогривая степная кобылица.
Я на нее смотрел во все глаза.
Волна вздымалась к небу величаво.
На самом дне
Ее рождалась слава
И восходила, пенясь, в небеса.
И понял я,
Что силы есть во мне.
Как море это, я могу бороться.
О жизнь моя!
Покуда сердце бьется,
Держи меня на яростной волне!

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЧУВАШИЮ

Поэту Пасарби Цекову

Здесь нет белоголового Казбека,
И солнце рыжий глаз косит чуть-чуть,
Смогли пригорки спины разогнуть,
Равнина задыхается от бега.
За полем вдалеке синееет лес,
Цивиль и Кубня косами сверкают.
В низинах ивы платья выжимают.
Звон гуслей во сто струн
Спускается с небес.
Ты свежесть пей из звездного ковша,
Ржаных полей хмельные песни слушай.
Пускай они твою наполнят душу —
И будет песнями полна твоя душа.
Студеный сок земли и сок зари
Стране подносят парни-волгари.
Друг, приезжай!
Уже созрело пиво,
Расшит платок, крахмальный, словно снег.
Пускай здесь нет Казбека,
Но счастливо
Живет народ, высокий, как Казбек!

ИЗ ОКНА САМОЛЕТА

В лесу петляя там и тут,
Речушка под крылом сверкала.
— Как огненный пастуший кнут, —
Чувашка старая сказала.
О, надо так уметь взглянуть!
Пусть плечи горбятся под бременем,
Года не те, —
Но видят суть
Глаза, подернутые временем!
И верю я:
Волшебный блеск
В лесу струиться будет вечно.
Упала молния с небес
И стала безымянной речкой.

ПЕРЕДНЯЯ

Где отдохнуть душе и телу?
О чем вы? Видимое дело.
На то — передняя в избе.
Светло там и тепло тебе.

В нее нет доступа недугам.
И снова ты восприянешь духом.
Там сердце входит в берега,
Как после паводка река.

С нуждою рядом — не житье.
Ты у дверей оставь се.
Живет в передней запах хлеба.
Чист потолок ее, как небо.

И не красна она углами,
Не знаменита пирогами.
Передняя красна друзьями.
Светла она, подруги, вами.

Пусть будет вход в нее открыт.
Пусть враг ее не осквернит.
Беде дорогу закажи
В переднюю своей души.

В ПОЛЕ

- А почему рассвет воспламенен,
Так, что на зернах запеклась заря?
— Был воздух выстрелами накален
И кровью наши политы поля.
- И, небо приподняв, хлеба стоят,
Аж в облака уперлись головой.
— Здесь похоронен, говорят, солдат.
И рослым был он, точно стог ржаной.
- Полны колосья шумом всех ветров.
Земля своими соками живет.
— Так Родине не счесть своих сынов:
Там встанет десять, где один падет.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Солдатам войны

Я своей руке-калке
Золотое кольцо купил.
Хватит полнить слезами реки,
Жить пора, — про себя я решил.
Только нет, не будет покоя,
Не стереть боевых замет.
А руке кольцо золотое
Ни к чему, если пальцев нет.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Иду я в предутренний холод,
Райком вызывает на провод.

А в небе сегодня на редкость
Взошли заревые цветы,
И похорошела окрестность
При виде такой красоты.

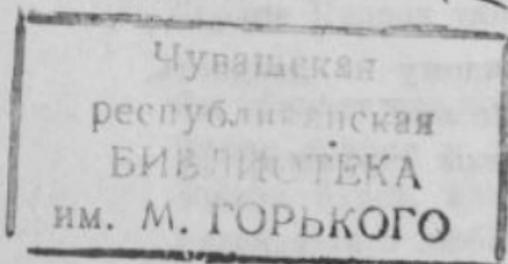
На пахоте трудится детство,
Торопит работы весна,
Быка погоняет соседка,
Сгружает вдова семена.

Всё — ради военного хлеба,
Всё — только б скорее победа.

Беру телефонную трубку,
И думаю:
Будут опять
Снимать, как положено, стружку.
Что ж, к этому не привыкать.
Но радостный голос...
Как гулко
Ударило сердце! Ура!
Навстречу пустым переулком
Идет с коромыслом Улька,

Кричу я, машу ей рукою.
Она удивленно глядит:
Мол, что, председатель, с тобою,
Не пьян ли с утра, инвалид?
Конец?
Что? Войне?
Неужели?
И радость в глазах, и испуг.
И дрожь облегчения в теле —
Заплакала женщина вдруг.
Снимая с себя коромысло,
Улыка на колени встает
И долго
Без всякого смысла,
Ведро наклонив к себе,
Пьет.
И, рядом присев,
Вместе с нею
Я воду холодную пью.
И снова, и снова пьянею,
Как в том,
Рукопашном бою.

и 9857-к

ПРОВОДЫ

Языки заплясали косые,
Хворост, искры бросая, трещит.
Сковородка шипит, как гусыня,
И котел добродушно ворчит.
Рядом тетя Ануш суетится, —
Сын родной уезжает учиться.
А когда он вернется оттуда?
И тоска застилает глаза,
И гремит, не смолкая, посуда,
И течет незаметно слеза.
Что-то в горле сжимается туже,
Вспоминает она о войне.
Фотографии сына и мужа
Друг на друга глядят на стене.
Как два брата сошлись на рассвете, —
Даже слышно биенье сердец.
«Ну, чего ты задумался, Петя?» —
«О тебе вспоминаю, отец.
Буду в жизни, как ты, не сдаваться.
Уезжаю сейчас.
Извини!»
Оба смуглые, каждому — двадцать.
До чего ж молодые они!
Снова горькие слезы струятся,
Снова к ней
Обращается муж:

«Что ж не вышла ты замуж,
Ануш?»

Ты ведь знала,
Что мне не подняться,
Что зарыт я в кургане крутом...»
Голос мужа становится тише.
Только Педер стучит молотком
По отставшей тесине на крыше.
И напрасно мать сыну кричит:
— Опоздаешь, пожалуй, к машине. —
Только Педер стучит и стучит.
Есть унорство отцовское в сыне.
Шире видится мир с высоты.
Все —
И ново и очень знакомо.
Крыши каждого нового дома
Засверкали, зеркально чисты.
Школа выситя в два этажа,
И придут в нее школьники скоро.
Вон «Москвич» у ворот гаража.
Это — фермы,
А это контора.
Ну а там, за знакомым прудом,
За дорожкой, ведущей к колодцу,
Есть заветный под тополем дом
В три окошка —
И в каждом по солнцу.
Он один на родной стороне —
В этом доме живет Марине.
И не знает никто: почему
Сердце Педера тянет к нему.

Он вбивает последние гвозди,
Видит солнце в знакомом окне.
Завтра будет, наверное, поздно
Рассказать о любви Марине.

Быстро Педер спускается

с крыши,

Над которой гудят провода,

И решает:

— Скажу, как увижу.

Но сегодня!

Иначе — когда?!

* * *

У птички пушистой, как верба,
Есть голос свой, песня и небо.
Простите за щебет подругу,
Когда она будит округу.

Мой голос, охрипший от стужи,
Негромок, но рвется наружу.
И если разбудит сердца,
Счастливым мне быть без конца.

СРЕДЬ ШИРОКОГО ПОЛЯ...

Средь широкого поля стоят
Дуб могучий
И яблонька дикая в белом.
И пока догорает закат,
Мое сердце близ них погрузить захотело.

Тянут руки они и манят
Подойти к ним, призывно шумящим,
Поближе.
Я смотрю на деревья и вижу:
Дуб могучий — отец мой,
А яблонька — мать.

И мечты их, как ветры, летят
Над землей, где пахали,
Над домом, где жили.
Где лежишь ты, отец мой — солдат?
Ветхий крест — там, где мать схоронили.

В этих далях, неброских на взгляд,
Жизнь прошла их, как будто весна прошумела.
Вот теперь они в поле стоят —
Дуб могучий
И яблонька дикая в белом.

ЧИСЛО ДВА

Всегда ты чёт.
И ты взшло
Как месяц-солнышко¹ высоко,
Такое доброе число...
Ты не бываешь одиноко!
Вдвоем тебя легко понять —
Ты бесконечность
И граница.
Как счастливы отец и мать,
Коль двойня в их семье родится.
Два глаза смотрят в душу мне
И, как прожектора, лучатся.
И на одном нельзя крыле
До неба синего подняться.
И вот тебе моя рука,
Когда любви и дружбы хочется.
И лишь двуличье на века
Обречено на одиночество.

¹ Месяц-солнце — языческий символ высшей радости.

* * *

Разъято небо журавлиным клином.
Теряет птица алое перо.
Разносит осень краски по долинам,
Пусть кто какие хочет — те берет.

Вот ива уронила тихо ветви.
К лицу ей палевый неяркий тон.
Береза — в слезы: рвет ей платье ветер.
На нем цветы заката вышил вечер.
С ней рядом юноша — высокий клен.
Он светло-желтой туникой пленяет.
Неподалеку старый вяз хромает.
На палку опершись, несет ларец.
В нем краска сокровенная — багрец.
А дуб шумит, коря лесное племя:
— Нет красок для меня!
Когда ж наступит время?
Да, осень, видно, с временем дружна.
Всем краски раздала.
И между делом
Я даже не заметил, как она
И мне виски посеребрила белым.

* * *

Скорей, художник,
Ставь свою треногу!
Пиши сосновый бор на полотне!
Уже давно деревья бьют тревогу,
Прощаясь с солнцем в шумной вышине.
Стоит сосна,
Беды своей не зная,
Скрипит и терпит ветра произвол
И умирает, землю обнимая
Ветвями
И роняя слезы смол.
Откуда правнук мой о том узнает,
Что здесь когда-то высилась она?
Быть может, в школьной книге прочитает
Под иллюстрацией:
Реликт — «Сосна»?
Сопоставляя всех времен утраты,
Я в будущее устремляю взгляд.
Быть может,
Мы ни в чем не виноваты?
Быть может.
Дай-то бог —
Я буду рад!

В ЛЕСУ, ПОСЛЕ БУРИ

Поломаны ветви, и сок
Сочится, как кровь из раны.
На редкость был ветер жесток.
Деревья на поле брани
Качались, скрипя и плача.
С рябины сорвало платье.
И голову дуб потерял.
И смолкли пернатых песни
Во славу вершин небесных.
И без вести клен пропал.

А корень сосны — как крест
Над прахом весенней грезы.
И солнце глядит окрест —
С соринкой в глазу — сквозь слезы.

УЧИК

Утро проявляет интерес
К мерзлому окну, где вышиты узоры:
В инее волшебный лес,
Лыж следы, медведь, крутые горы...
Хоть искрист затейливый узор,
От него не потеплеет взор.

Вот Учик на лавочке чуть свет.
Призадумалась. Поет тихонько.
И иглой, как луч морозный, тонкой,
Вышивает. Белое как снег
Перед ней струится полотно.
А Учик сидит, глядит в окно
И поет себе. О чем она поет?
О любимом, что сейчас в дороге.
И змеистая лыжня его ведет
В звонкий лес.

Слышь, вставший из берлоги,
Там ревет медведь! Учик его боится.
Может, не медведь там, а буран клубится?
И Учик, чтоб он вернулся с богом,
Вышивает гладкую дорогу.
Прелесть, как легли узор к узору!
И прибавить можно к разговору:
Есть мечте простор, и есть во всем свобода.
Что ж, сравним работы не спеша:
Вышивка мороза — только лед холодный,
Вышивка Учик — ее душа.

СИМЕЛЬ

Я помню, жарким летним днем
Кипела жатва, плавя колос.
На лбу моем запекся волос.
И падал крупный пот зерном.
И девушки поодаль жали.
Ржаные песни напевали.
Когда пришла пора заката,
Была моя полоска сжата.
А впереди
Иная цель —
Сложить впервые свой симель.
Заветный день моей судьбы!
Собрал в одно я все снопы.
Потом я ставил
Сноп на сноп.
И мне казалось
Долгим сном
Нехитрое,
Признаться,
Дело.
Стоял симель мой,
Словно дом,
А на макушку солнце село.
И он светился изнутри
И плавал в золоте зари.

* * *

Жил спокойно, не любя,
К тебе тропинка вывела,
Загляделся на тебя
И смутился. Видела?
— Нет.

Утром в поле выхожу —
Заря огни развесила.
Пашу, не в борозду гляжу,
А на тебя. Заметила?
— Чуть-чуть.

На лугах косил один,
Роса покосы вымыла,
А я смеялся без причин.
А это ты увидела?
— Да.

Золото пшеница льет,
За работу платит...
А вдруг меня любовь убьет,
Разве не заплачешь?
— Еще как!

НА СВАДЬБЕ

Пей, пой, гуляй,
Родимый край,
На свадьбах осени.
Ай-хай!

Когда мой средний брат женился,
От яств осенних стол ломился.
Что я там шил — о том потом.
Сейчас невесту вводят в дом...
Она проходит не спеша,
На жениха глядит украдкой.
И до чего же хороша!
А плачет — только для порядка.
Эх, улыбайся и пляши,
С любимым парнем
свадьбу празднуй!

И громом грянули ковши,
Когда сошлись в заздравье разом.
Шуршат за праздничным столом
Старушки ветхие:
— Как было...

Мы не входили к мужу в дом,
А покупались, как кобылы. —
В рубахах новых, расшитых
Парням для пляски

нужно место.

От глаз их жарких, холостых,
Смутясь, потушились невесты.
А Уртемей наш, не дыша,
В сто глаз следит за молодою,
И брага пеною хмельною
На пол стекает из ковша.

Ай-хай!
Гуляй,
Родимый край,
На свадьбах осени!

ПОЦЕЛУЕВ ЛОГ

...А рядом Поцелуев лог,
И хорошо тебе грустится,
Последний раз махнет листок
И до весны с тобой простится.

Прощай! Таков закон листка —
Природа им за зелень платит.
И снова легкая тоска
Тебя в свой добрый плен захватит.

Весна придет — наступит срок.
Мечтай о ней и жди с доверьем.
Туманен Поцелуев лог
Под желтой крышею деревьев.

Как странно — Поцелуев лог!
Тот так назвать тебя приметил,
Кто счастья здесь найти не смог?
Или, быть может, радость встретил?..

Название это как венец,
В нем скрыта тайная картина.

Святую правду двух сердец
Хранит туманная лощина.
Не зря деревья обнялись,
Не зря дремучий лес нестрашен.
И каждый куст, и каждый лист
Зарею в красный цвет окрашен.

УВОДИТ ПАРЕНЬ ДЕВУШКУ

Над лугами на восходе
Комариный туй¹ гудет,
Парень девушку уводит —
В жены, красную, берет.
По дорожке разноцветной
Та лебедушкой плывет.
В небе красная заря
Родила богатыря —
Солнце в облачных пеленках
Улыбается не зря, —
Будет русым ваш ребенок.
Ясный свет его ума
Брызнет, как заря сама,
Чтобы высветить овраги,
Где еще клубится тьма.
Отчего светло кругом
На лугах, за липняком, —
То жених свою невесту,
Словно утро, вводит в дом!

¹ Т у й — свадьба.

ПЕТУХИ

Вышивала полотенце
По двенадцати деньков.
Все двенадцать полотенец —
Сорок восемь петухов —
Спят в одном из сундуков.
Девушке заснуть невмочь,
Петухи поют всю ночь,
Так, как будто на стрехе,
Петух горланит в сундуке.
Тогда откроется сундук,
Когда придет к ней милый друг!

КЫРЛАЧ И НАРС (ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ)

Хвостата, как семья лисят,
Заносит след пурга.
На бороне антенн висят
Клочками облака.
С мороза краснолиц кырлач,
Идет, снежком скрипя.
Как струны вожжи;
Рвется вскачь
Буря, как конь, храпя.
А на санях узор резной
Пыль снежная зажгла.
Кырлач? Он парень молодой
Из нашего села.
В его зубах сверкает пар
Букетом белых роз.
И теплой шубы серебро
Не прошибет мороз!
И на щеках его огонь,
И путь его искрист.
И понимает умный конь
Его разбойный свист.
Садись-ка в сани поскорей,
Невеста января, —
Два полумесяца бровей
И щеки как заря.

А конь готов рвануться вскачь
И стлаться по земле.
...На Нарсе женится Кырлач.
Быть свадьбе в феврале!

РОСА В ГЛАЗАХ

Вот орешника куст —
Мой знакомый хороший —
От обилия чувств
Мне кивнул головой
И обрызгал росой
Из зеленых ладошек.

Занескрился рассвета
Серебряный воздух.
Гасит лампочки неба
Молодая заря.
А в глазах моих звезды
Горят и горят!

ВЕТЛА
ЛИРИЧЕСКИЙ
МОНОЛОГ

Черной корою,
Как древний сказитель седа.

Чувашские милые ветлы,
Родные мои земляки!
Когда бы от сердца вас отнял,
Оно бы зашло от тоски.

Когда бы судьба разлучила
Меня с этой далью в цвету,
С прожорливой стаей грачиной,
Чьи крики слышать за версту.

С поляною в ягоде спелой,
С таинственной затинью рек,
Душа бы навек онемела,
Душа бы заглохла навек.

О ветлы,
Под вашею сенью
Дозвольте мне в полдень прилечь,
Послушать скворчиное пенье
И листьев негромкую речь.

Вкусить тишины
И покоя,
Усталость избыть в холодке.
Позвольте
Прижаться щекою
К шершавой
И теплой щеке.

Вы тянетесь в небо ветвями,
Толпой окружив водоем.
И кажется — вместе мы с вами
Все выше и выше растем.

Накрыли вы тенью узорной
Тесовые крыши села.
Свежее стал сумрак надворный,
И в окна прохлады втекла.

И листья осоки намокли,
И травы
В приречье блестят...
Чувашские милые ветлы
Опять надо мной шелестят.

* * *

Но память встревожила душу
Печальной картиной былой.
Сугуты,
Кукшумы,
Яуши —
Все села топились ветлой.

Звенели да вжикали пилы
На каждом подворье с утра.
В раскрытых

Ребристых стропилах
Студеные пели ветра.

Тяжелое низкое небо.
Мышинные шорохи мглы.
Угрюмо торчит из-под снега
Замерзший обрубок ветлы.

Но ветлы упрямо живучи.
Не сгнули под топором.
Обжили прибрежные кручи
И избы накрыли шатром.

Опрятность придали деревне,
Уют и прохладу дворам.
И как несмеяны-царевны
Глядятся в пруды по утрам.

Узор их
Затейливо соткан.
Сережки на солнце блестят...
Чувашские милые ветлы
Опять надо мной шелестят.

* * *

Спасибо, далекие предки!
Я должен вам
Почесть воздать,

От вами посаженной ветки
Пошла эта вся благодать.

Мне ваши заботы знакомы,
Обычай приветствую ваш:
Ветлинку взрастить
Возле дома
Обязан был каждый чуваш.

Едва после мартовской стыни
Земля отогреет лицо,
Отец
Вместе с дочкой и сыном
Спешил посадить деревцо.

Сажал он без всякой корысти,
В ладонях росток отогрев.
«Нет, — думал он, — люди не литья,
Что ветер сметает с дерев.

Мы — не без понятия народец,
Хоть бог к нам порой и жесток.
Тот, смотришь, спроворит колодец,
Другой перекинет мосток.

А третий посадит ветлину —
Живой отпечатает след.

Родитель
да помнится сыну.

И внуку
да помнится дед».

Отросток прямой и недлинный
Срезал он ножом-тесаком,
Погуще обмазывал глиной,
Обвязывал крепким лубком.

И ставил в готовую яму.
— Живи да расти, — говорил.
Из жердочек
Изгородь-раму
Вокруг дерева мастерил.

Нет,
Мир его не был убогим.
Он землю любил горячо.
Природа была ему богом,
Советчиком,
Другом,
Врачом.

Работа в нем силы губила,
От горя грубели черты.
Но сердце отзывчивым было
На голос земной красоты.

Он все узнавал по примете —
И ведро,
И холод,
И зной.
Он службы служил керемети¹.
Но верил природе одной.

¹ Кереметь — языческое идолище (чуваши).

Во мраке языческих капищ
Твердил он, на камень присев:
— Когда же ты, идол, окатишь
Дождем-хлебородом посев?

Смирят лихорадку отваром
Полынной травы и корья.
Спасался картофельным паром
От злого в груди колотья.

Умел извлекать он лекарство
Из камня,
Земли
И цветка.
В пословицах живы
Лукавство
И ум моего земляка.

От летней суши злой
Храни луга ветлой.
Чтоб гуще рос пырей —
Сажай ветлу скорей.

А берег от размыва
Спасет плакунья-ива.
И на пути оврага
Встает ветла-трудяга.

Народ наш в работе упорен,
И дни его ныне светлы,

Исполнились вестные строки,
Державным горят кумачом
Декрета желанные строки,
Подписанные Ильичем¹.

ПЕСНЯ САЖАЮЩЕГО ВЕТЛУ

Отмели снеговей, отпели,
И весна повернула к теплу.
Помнишь, как мы с тобою в апреле
Посадили малютку ветлу.

Как потом ее холили долго,
Поливали водой ключевой,
И она, как платочком из шелка,
Принакрылась зеленой листвою.

Жарко плавилось
Хлебное лето.
Ночь дышала степным чебрецом.
Целовались с тобой до рассвета
Мы под тем молодым деревцом.

¹ Декрет о предоставлении чувашскому народу автономии подписан В. И. Лениным.

Но нагрянула непогода снова,
Низко гнулась под ветром
Ветла,
Полюбила ты парня другого,
За другого ты замуж пошла.

Под веселое гиканье дружек
Скрылся свадебный поезд
Во мгле.
Только эхо все кружит и кружит
По глухим закоулкам
В селе.

Но весна уже дышит за дверью,
И ручьи закипают в доли,
И опять я надеюсь и верю,
И опять
Я сажаю ветлу.

* * *

Шагаю по рвам и откосам,
Краду я у ночи покой.
По поясу в тумане белесом
Склонилась ветла над рекой.

Опущена крона угрюмо.
Полночная тишь.
Забутье.

Как будто нелегкая дума
Надолго сковала ее.

Закрою глаза —
И мгновенно
Движеньем волшебной руки
Исчезнут огни
И антенны,
Фабричные стихнут гудки.

И снова печальной картиной
Всплывают из мрака года.
Трескучей чадающей лучиной
Оконная меркнет слюда.

И старчески щерится голод,
И слышится матери стон.
Последний осьминник¹
Размолот,
Последний сусек подметен.

Мой предок,
Устав от поборов,
На барина гнев горяча,
Выхватывал колья забора,
Прознав про царя — Пугача.

— Емеля Пугач...
Уж не тот ли,

¹ Осьминник — старинная мера хлеба.

Что волю сулит мужикам?..—
И слушали старые ветлы
Деревни встревоженный гам.

И плавилась зори из воска,
И сумерки жались к селу.
Шагало чапанное¹ войско
Сквозь колкую снежную мглу.

* * *

Шли годы воловьею упряжкой.
Росла и старела ветла.
Но доля мужицкая
Тяжкой
И горько-полянной была.

Но вот в наши хмурые села
Ворвался семнадцатый год.
Водою весеннею полою
Бурлил,
Колобродил народ.

Кричал,
Взгромоздившись на сани,
Горластый солдат-инвалид:

¹ Чапан — азам, крестьянский верхний кафтан
(Словарь Даля).

— Таперя
Мы сами с усами,
Знать, счастье и нам
Подвалит.

Запальчивых сходок кипенье.
Комбеды межут поля.
Входило в сознание:

«ЛЕНИН».

И эхом звучало:

«ЗЕМЛЯ».

«Всю землю крестьянам!» —
Взывали
Все громче холсты кумача.
Большим землемером назвали
В народе тогда Ильича.

И так говорилось в народе
В моей стороне
О вожде:
— Видать, он крестьянской породы,
Коль знает о нашей нужде.

* * *

И снова чувашские ветлы
Неистово треплют ветра.

Колхозные
Первые весны
Выводят в поля трактора.

И сполох тревоги знакомой
Опять озаряет меня.
Мать шепчет, клонясь пред иконой:
«Спаси нас, господь, от огня!»

Но лязгает глухо железо,
И гнутся перила крыльца.
И черное дуло обреза
Исходит плевками свинца.

И пламя закрыло полисба,
И плавит
Ревучая тьма
Амбары колхозного хлеба
Да трех коммунистов дома.

И падает сторож, задушен,
И лижет огонь вороха.
Под стрехи колхозных конюшен
Пускает куштан¹ петуха.

Беда бы тут много пожалала,
Сгореть бы деревне дотла,
Не встань на дороге пожара
Живую преградой
Ветла.

¹ Куштан — кулак (чуваши).

Изрыли кору ее шрамы.
Обуглились ветви в огне.
Но корни спаслись в глубине,
И вновь зацвела упрямо
Певунья-ветла
По весне.

* * *

«Чтоб лучше судить об озерах,
Измерьте сперва глубину».
Я речь о чувашских узорах
С пословицы этой начну.

Иной в нетерпении скажет:
«Узоры... озера... ветла...
Не странные ль петельки вяжет
Поэт — летописец села?»

Отвечу,
Раздумья итожа,
Смиря начавшийся спор:
Ветла, она вписана тоже
В затейливый этот узор.

Защитник экзотики пылкий
Вещает который уж год,
Что только при свете коптилки
Рождает шедевры народ.

Он довод за доводом сыплет,
Холодные цедит слова,
Что будто бы техникой выпит
Тот чистый родник мастерства.

Пусть мелет свои небылицы,
Во благо возводит беду...
Родные мне видятся лица
В коптящем лучинном чаду.

Я видел своими глазами
Экзотику той старины.
Я знаю, какими слезами
Шедевры ее рождены.

О зимние эти недели!
Морозная темь.
Тишина.
И запах лежалой кудели,
И пение веретена.

Мне память подкажет упрямо,
Коль в чем-то
Хоть малость солгу.
Вот белят сестренка и мама
Холсты
На февральском снегу.

А вот уже вновь распочаты
Горячего лета деньки,
Расставили пяльцы девчата
Под старой ветлой у реки.

Под мерное
Грустное пенье
Над белым холстом ворожат.
И листьев тревожные тени
На каждом узоре лежат.

И линии вышивок резки,
И краски сочны и свежи.
Что лучше?
«Авдан» или «кэске»?¹
Попробуй, ценитель, скажи?

Окинь их придирчивым взором.
И есть ли — ответ — им цена?
Узоры... узоры... узоры...
Успешных времен письмамена.

Мечтой рождены и любовью
К гражданской моей стороне,
Они и с колхозною новью
Сошлись и сдружились вполне.
Волшебниц альешевских слава
Шагнула в заморскую даль,
Их ценит Париж
И Варшава,
Их чопорный чтит Монреаль.

Как жить они с песней умеют,
Как стал поэтичен их труд,
На скатертях ягоды зреют,
На кофтах ромашки цветут.

¹ «Авдан» и «кэске» — названия чувашских народных вышивок.

Ложатся узоры на платья,
Да звезды бегут по шкятю...
Девчата
Мережкой и гладью
Судьбу вышивают свою.

ПЕСНЯ ГУБИТЕЛЯ ВЕТЛЫ

Я не сею, я не строю,
Я ветлу пилю пилюю,
Лес рублю.
Расцвели мои цветочки —
Недогнившие пенечки,
Ой-лю-лю!

Все свести хочу под корень.
Пусть торчит железный шкворень
Из земли.
У природы пусть в кошилке
Будут щенки и ошилки,
Ой-лю-лю!
Столько вырублено мною!
Но опять встает весною
Та ветла.
Молодым листом тренецет,
По лицу ветвями хлещет,
Ой-ла-ла!

* * *

За Киевом в радостной снни
Черешня холмы обжила.
Береза — примета России,
А наша примета — ветла.

Года, словно стаи, летели,
Менялись не раз времена.
Она и в жару и в метели
Селу оставалась верна.

Узорные тени на стеклах
Да ласковый шелест в тиши.
Чувашские милые ветлы —
Вы символ народной души.

Здесь в мощь не примешано гнева,
К любви не добавлено зла...
И нашей поэзии древо —
Все та же певунья — ветла.

Могучим шатром нависая,
Все гуще ветвятся стволы.
Вот нижняя ветка — Ухсая,
А рядом с ней ветка Шавлы.

Им ведомы были невзгоды,
Весна их была нелегка.

Но разве убавили годы
Лукавства в глазах Кельбука!

Алги — поэтичная ветка,—
Певуча она и нежна.
Но жалко, что все-таки редко
Бывает она зелена.

Певца самобытное слово...
Чья лучше — попробуй ответь! —
Вот ветка Егора Орлова.
Вот рядом Ефимова ветвь.

Весна.
Раскрываются почки.
Глядят удивленно на свет:
Сложил свои первые строчки
Еще неизвестный поэт.

Их много идет нам на смену,
Исполненных веры живой.
Они наше древо оденут
Шумящею новой листвою.

Строга современности мера,
В нее перешли из вчера
И пафос Семена Эльгера,
И ширь Хузангая Петра.

Но главная наша основа,
Которую надо беречь,—
Былинная мощь Иванова
И Сеспеля страстная речь.

ВЕТЛА ПОЭТА

Поля пахал, хлеба косил,
Киркой дробил скалу.
И вот недавно посадил
Заветную ветлу.

Вставай, ветла,
Крепись, ветла,
Посаженная мной.
Хочу,
Чтоб ветвь моя цвела
В поэзии родной.

За гранью дней
Настанет срок —
И облетит ветла.
Хочу,
Чтоб правда лучших строк
Со мной не умерла.

Я славил
Новых будней власть.
Я пел о чуваше.
Хочу,
Чтоб песнь моя прилась
Народу по душе.

Любовь к земле меня вела,
Любовь к стране родной.
Вставай, ветла,
Мужай, ветла,
Посаженная мной.

КИБЕНЕК
ПОЭМА

Желтый овес

Да гречиха, белее чем снег,

Клонятся травы,

Да озеро светится матово.

Голосом матери

Кличет меня Кибенек,

Нежным и тихим,

Тоскующим голосом матери.

Вот на пригорке,

У трех деревень на виду,

Словно на праздник,

На акатуй принаряженный,

Рыжую бороду

Гладит стареющий дуб,

В том еще веке

Отцом при дороге посаженный.

Молча стою.

И печально и радостно мне.

«Милый знакомец,

Не время тебе еще горбиться!» —

Голосом матери

Кличет меня Кибенек,

Тихим

И нежным,

Тоскующим голосом горлицы.

Рыжий овес
Да в низине речной клевера.
Поле пшеничное
Стежкой дороги прострочено.
Сколько ж сегодня
В подоле у нивы добра,
Ветер с трудом
Эти хлебные волны vorочает.

Строгие судьи,
Надеюсь,
Меня извинят.
Эти красоты
В строки пробились нечаянно:
Тысячеструнные гусли
Звенят и звенят, —
Нива созревшая
Песню поет величальную.

Добрая песнь...
Ой, звучала она не всегда!
Память прошедшего
Разве от сердца отрину я?
Мне ли не помнить
Сокрытые далью года,
Злой суховей
Над отцовской
Пустой десятиною.

Огненный воздух
К земле истомленной прижат.
Вся изморщилась
Черная нива бесплодная.
Черные смерчи
По черным проселкам кружат.

Смотрит сквозь облако
Черное солнце голодное.

«Сколько же можно
Сохой эту твердь ковырять?» —
Думали люди,
Глазами поля свои меряя.
Если хозяин
Земле перестал доверять,
Значит,
К себе
У него исчезает доверие.

Деды и прадеды!
Если б вы снова могли
В поле наведаться,
Жаждой работы томимые,
Как бы пленила вас
Щедрость родимой земли,
Ласковость утра,
Идущего тихой долиною.

Знаю, бывшее,
Оттуда дорог тебе нет.
Смерть без разбору
Плохого берет и хорошего.
Голосом матери
Кличет меня Кибенек,
Тихим
И нежным,
Тоскующим голосом прошлого.

Время в раздумьях
Совсем незаметно прошло.
Вот она рядом,
Заветная роща тенистая.

Словно крылом
Принакрыла родное село,
Вся соловьями
В июньские ночи
Просвистана.

Буйный орешник
Да ломкой крушины кусты.
Стайка берез
Да в сторонке дубы вековые.
О Кибенек,
Как разросся,
Как вымахал ты,
Словно увидел
Тебя я сегодня впервые.

Словно не я
Собирал здесь когда-то грибы,
Палкой сучкатою
Сбивал молодые орехи,
Словно не здесь
После жаркой июльской косьбы
В затинке ив
«Обмывала» бригада успехи.

О Кибенек,
Как ты сердцу селянина люб.
Где же душа
Отдохнуть от заботы
Могла б еще.
Покуда мы живы —
Ты наш нестареющий клуб,
А смерть заарканит —
Ты наше покойное кладбище.

Деды твердили,
Что гость на земле человек.
И гостевание
Рано иль поздно кончается.
«Главный наш дом —
Этот тихий погост Кибенек,—
Крест в изголовье,
Береза в изножье качается».

Видел я много
Тяжелых и легких смертей.
С детства приметил —
Чуваш умирает без жалобы.
Смотрит спокойно
На рождественников
И на детей.
Шутит порою:
«Смерть от меня не сбежала бы!»

Скажет старухе:
«За все — коль обидел — прости».
Близким поклонится:
«Пожил — и хватит,
Не сетую.
Старому стариться,
А молодому расти.
Дуб упадет —
Не кончается роща от этого».

Даже похвалится:
«Счастьем-то не обойден.
Как по заказу
Сегодня разведрило с полночи,

Видно, всевышний
Решил для моих похорон
Выделить день
Самый погожий
и солнечный».

Мне ли забыть вас,
Философы-старики,
Косноязычные
Сельские наши мыслители.
Тускло мерцают
На мертвых глазах пятаки,
Дни вашей жизни
Последнею каплею вытекли.

Брел я один
По заросшей дороге лесной,
Думая думу
Да метры за метрами меряя.
Слышу,
Все громче
Звучат голоса за спиной.
Ишь как легко
Обгоняет меня пионерия.

Шествуют важно
С букетами красных гвоздик,
Редкого встречного
Новенькой формой радуя.
Ты их к Хрисану,
Лесная дорога, веди,
К тихой могиле
За белой дощатой оградой.

Травой заросший холмик
Предо мною.
Прогнивший крест,
Колючки диких роз.
Да до краев налитый тишиною
Осенний мир белеющих берез.
А дальше вязь плетеной загородки
И холм к холму —
Чредою неживой,
Как будто перевернутые лодки
Тяжелою волною штормовой.

— Вот мы с тобой и свиделись, родная... —
Глаза закрыло пеленою слез.
А ветер, как-то жалобно стелая,
Шуршит листвою
Железною
Берез.

Прости мне, мама,
Долг мой неоплатный.
Не я тебя похоронил, скорбя.
Ой, долго-долго не было
Обратной
Дороги мне, чтоб навестить тебя.

Из той дали
Я только голос подал,
Но затерялся голос мой в пути.
Родимая,
За все мои невзгоды
Прости меня,
Прости меня,
Прости.

Приподымись,
Раскрой морщины-веки,
Поговорим.
Подышим тишиной.
Но знаю я,
Не встанешь ты вовеки.
Лишь старый крест
Чернеет предо мной.

Что в землю ляжет,
То с землей сольется.
У каждого
На жизнь и смерть свой срок.
Что ж после человека остается?
Неужто только этот бугорок?

Ты жала рожь,
Ты огород копала,
Ты новый холст
Белила у ручья.
Иль так она бесследно и пропала,
Святая непоседливость твоя?

А двор и сад?
А хлопоты по дому?
На это все где силы накопить?

А детвора, что тянется к подолу,—
Тот хочет есть,
А этот просит пить.

Ты поднималась с первыми лучами,
Все делала умело и любя.
Но полотно, что ты ткала ночами,
Так и не стало платьем для тебя.

Весна ли, осень — вечные заботы.
Одна мечта: хвороба, не свали!
Как будто не для жизни—
Для работы
Тебя на белый свет произвели.

Воспоминаний боль не притупится.
Стоишь в глазах живым укором ты.
Неужто не осталось ни крупницы
От этой безответной доброты?

Что ни скажу —
Тебе не станет горше.
Но была твоя быльем не поросла.
Остались не крупницы,
А пригоршни,
Лишь стоит глянуть
В сторону села.

Помолодели старые Яуши.
Блестят на солнце новые дома.
С какой любовью говорят, послушай,
В них о тебе,
«О нашей Кугама».

И кто сочтет
Твоих внучат и внучек,

Их полдеревни почитай сейчас.
Цет, ты была
Не тот случайный лучик,
Что проблеснул
И навсегда погас.

Твой дивный свет
Горит и ныне ровно
Для новых поколений яушан.
В наследниках живет единокровных
Твоя неугомонная душа.

Ты не была беспомощной и лишней,
Ты и сегодня тянешься к живым
Травинкой вешней,
Розовою вишней,
Лесным цветком
И стеблем полевым.

И, хлеб гостям на праздник раздавая,
Обычай древних пахарей любя,
Один большой ломоть от каравая
Всегда сначала режут для тебя...

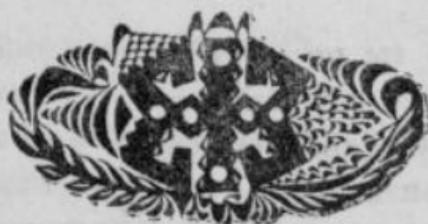
Свернулся ветер ласковым котенком
В подоле роци.
И затих в тепле.
Еще не время вкрадчивым потемкам
Приблизиться к тоскующей ветле.

Как тяжело стоять ей, одинокой,
Седой косою
Могилу прикрывать.
Холодным днем
Иль полночью глубокой
Одной кручину-горе развевать.

Будь рядом дуб,
Исчезли все бы страхи,
Вдвоем-то легче
Вечность коротать;
И сны смотреть,
И слушать ветра взмахи,
И о прожитом изредка мечтать.

Твое желанье, мама,
Мне знакомо,
Родня мечте
Всех преданных сердец:
«Земля была бы пухом,
А не комом,
Когда б лежал поблизости отец».

Но кто ответит,
Где его могила.
Не найден след,
Хоть и прошли года.
В каком краю
Лучи не пригасила
Солдатская
Жестяная
Звезда.

3

За валом вал плескалась канонада.
Но я последний сделал в ней гребок.
Домой пришел я из-под Сталинграда,
Одна рука закована в лубок.

Катала мать лепешки просяные,
(Как памятно мне все
До мелочей!)
Упала бы, — руки не протяни я,—
На черный скос
Шесточных кирпичей.

Отец швырнул
Недоплетенный лапоть,
Сказал с укором матери:
«Не вой!
Тут радоваться надо,
А не плакать.
Вернулся-то
Не мертвый, а живой.—

И улыбнулся,
Волосы ероша.—
Да, возмужал,
Стал прямо молодцом!
Ну что ж,
Ты долг свой выполнил,
Алеша,
Теперь черед за мною,
За отцом!»

Хоть ты на двух
Навсевался войнах
И был давно в годах
Непризывных,
Собрался и на третью ты спокойно,
Прося благословенья у родных.

Ты шел не за наградой,
Не за славой
(Хоть внук твердил:

«С медалью воротись»).

Ты понял, что на пахоте кровавой,
Как видно,
Без тебя не обойтись.

Покончил в день
Со срочными делами,
А их у мужика
Немало, дел.
Надел кафтан
С бористыми полами.
Сбрил бороду —
И враз помолодел.

Обнял сынов.
«Ну, что еще осталось?»
Сказал жене:
«Одна теперь. Крепись...
Меньшому-то
Дай порезвиться малость —
В работу запрягать не торопись».

Те проводы запомнил
Я навечно.
У дома полдеревни собралось.
И плач стоял.
И говорились речи.
И песни пелись.
И вино лилось.

Твердила бабка:
«Сбереги, создатель».

И дед белел
С иконой на крыльце.
А под вечер
Сам новый председатель
Нас прокатил на сером жеребце.

На всем скаку в Вурнары мы влетели.
И вот уже команда:
«Ста-но-вись!»
И склянки станционные процели.
И рев гудка
Над станцией навпе.

—Ну, прощевайте... Поезд на подходе... —
Сказал отец,
Коня похлопав круп.—
Жалею, что избу не обиходил...
Когда вернусь—
Поставлю новый сруб.

«Когда вернусь...»
Но не пришлось вернуться.
Орел-могильник медленно кружит,
Пылают зори
Да былинки гнутся
Над той землей,
В которой он лежит.

Там их осталось
Двадцать миллионов.
(Баланс войны
Не подведен еще!)
Постичь пытаюсь,
Сердцем захоловув,
Кровавый этот семизначный счет.

Четыре года огненной работы —
И выжжен след убийцы-пришлеца.
В победный гром
Пусть самой малой нотой
Вписался подвиг
Моего отца.

Пускай его и обошла награда.
Пускай Генштаб его не отмечал.
Он смелым был,
Он воевал как надо,
Глаза в глаза
Опасности встречал.

4

Не долго ли
Я ворошу бывшее?
Ведь миром дышат
Нынешние дни.
Но под вчерашней стылою золою
Еще — мы видим —
Тлеют головни.

Еще клюют стервятники
Жестоко
То тут, то там
Живую плоть земли.
Еще пустыни Ближнего Востока
Останки жертв песком не замели...

Над ухом грохот,
Лязганье железа.
Неужто снова бомбы с высоты.
Нет, это просто трактор из-за леса
Прочернивает свежие пласты.

Как расслаился
День голубоглазый.
Как спелая пшеница высока.
Комбайн ведет —
И не заметил сразу —
Племяш мой Юрий.
— Здравствуйте, кукка!¹

Рукой мне машет.
А долины чашу
Всю затянула дымки кисея.
Идут девчата с песнею Урдаша...²
Ты вновь воскресла,
Молодость моя!

Ты вновь вернулась,
Юность-невидимка,
И по знакомой стежке повела,
И подарила солнечную дымку,
И жарким ветром
Грудь мне обдала.

Душа моя,
Припоминай упрямо,
Забытый мир,
Младенческие сны.

¹ Кукка — дядя по матери (чуваш.).

² Урдаш — чувашский поэт.

Не там ли вот
Меня родила мама,
Кусая губы
В затишке копны.

Не так ли вот осинники стонали
И тень орла скользила по стерне,
Когда меня ветра запеленали
И желтый сноп
Стал колыбелью мне.

И сам солдат,
И сын, и внук солдата,
Я дорожу землею неспроста.
Хочу, чтоб сохранилась
Навсегда ты,
Спасенная в сраженьях красота.

Чтоб вечно золотилось
Это чудо
Пшеничной нивы,
Неба
И реки.
Чтоб никогда и никакой нуда
Кровавой не занес над ним руки.

Чтоб ты, моя планета,
Не вкусила,
От сонной разомлевши тишины,
Тот черный плод,
Что пал на Хиросиму,
Тот черный ужас
Атомной войны.

ОЧЕВИДЦЫ — ТОСИКО И ИРИ МАРУКИ, ЯПОНСКИЕ ХУДОЖНИКИ:

«Ослепительная зеленоватая вспышка,
взрыв, сознание подавлено,
волна горячего ветра,
и в следующий момент
все вокруг загорается...

Миг —

и с людей свалилась вспыхнувшая одежда,
вздулись руки, лицо, грудь;
лопаются багровые волдыри,

и лохмотья кожи сползают на землю...

Это привиденья. С поднятыми руками
они движутся толпой,
оглашая воздух криками боли.

На земле грудной ребенок, мать мертва.

Но ни у кого нет сил прийти на помощь...»

Как будто сам

В том пекле пропадаю,

Так жаркой болью

Сердце обожгло.

И все тревожней вглядываюсь в дали,

Туда, где блещет крышами село.

Вот он, мой мир,

Бескрайний и бесценный,

Рабочая, родная сторона.
И я твержу в решимости мгновенной:
Не тронь его,
Не тронь его,
Война!

5

Над полем дымка знойная
Повисла.
Устало дышит
Жаркая земля.
Обедают в лесочке трактористы,
И хлеб и воду
Поровну деля.

Горит звезда
Над пирамидкой серой.
Твоя, Хрисан,
Высокая звезда.
Кладут цветов охапки
Пионеры —
Те, что недавно
Строем шли сюда.

И, салютуя,
Руки поднимают.
И, губы сжав,
Стоят не шевелясь,

Как будто молча
Клятву принимают
Беречь, как он,
Родную нашу власть.

Ко мне приходит
Юркая пичуга:
— Скажите нам,
Какой он был, Хрисан?—
...Какой он был...
Как рассказать про друга,
Хоть жизнь его и знаешь
По часам.

Открою-ка я в прошлое ворота,
С тревогой в сердце загляну туда.
В народе звали «круглые сироты»
Таких, как он,
В те давние года.

Над ним
Нужда и горе лютовали,
Как ветры над ветлою молодой.
Дневал он в поле,
Спал на сеновале,
Всегда голодный,
Босый
И худой.

С шести годов
Определен в подпаски,
Он хлеб,
Как взрослый, добывал трудом.
Малец...
Ему бы материнской ласки,

А он весь день
Махал своим кнутом,

Хоть время долго
Пестует надежду,
Но грянул день,
Отмечен повизной, —
И день тот новый
В новую одежду
Одел Хрисана,
Как отец родной.

И в школу ввел
И усадил за парту,
Раскрыл букварь
И приказал:
— Учись! —
И с той поры,
С того большого старта
Жизнь сироты
Взяла крутую высь.

Он как живой
Стоит перед глазами —
Стремительна походка
И легка.
Вот он выходит первым
На экзамен,
Вот ищет хлеб
На риге кулака.

Вот первым гасит
Пламя на пожаре,
Вот стих-призыв
Со сцены говорит.
Ни разу не заметил он,

Пожалуй,
Как взгляд Вашука
Злобою горит.

Была та осень
Жаркая, сухая,
Дождей
Мы заждались уже давно.
И ветер колобродил
Не стихая,
Когда ты шел
Под вечер на гумно.

Там ждал тебя
Сын кулака Упрама,
Между жердей
Просунув ствол ружья.
Дрожмя дрожит,
Но целит в сердце прямо,
Чтоб не воскресла
Молодость твоя.

Где знать ему,
Что смерти нет у правды,
Что молодость
Бесстрашием горда.
Что ты не пал,
Что смертью смерть попрал ты
И с нами
Остаешься навсегда.

Убит врагом,
Ты возродился снова
Здесь, в Кибенеке,
Яркою звездой,
Веселый наш вожак белоголовый,

Стремительный,
Открытый,
Молодой.

6

Смежил закат
Набрякнувшие веки.
Долины-чаши
Сумрака полны.
Я целый день провел
На Кибенеке,
Среди лесной
Печальной тишины.

Коростели
В подлеске открывали.
Стих шум машин.
И душный зной обмяк...
На знамя,
Что приспущено в печали,
Похож был
Пламенеющий ивняк.

И словно это было
В самом деле,
И я сейчас
Поклясться был готов,
Что родичи усопшие глядели
Мне влед
Глазами синими цветов.

И словно бы береза мне
Твердила,
Что над могилой матери
Взошла:
— Живи, мой сын,
Наследник мой, правдиво,
Твори одни лишь добрые дела.

Пусть знают руки
Тяжкую усталость,
И пусть душа
Не ленится вовек...
Чтоб людям
Имя доброе осталось,
Чтоб о тебе сказали:
«Человек!»

Умей постичь
Все повороты века,
Весь пестрый мир,
Что сотворен людьми,
От колыбели
И до Кибенска
Дорогу жизни
До конца пойми.

7

Уже трава
Вот-вот заблещет в росах,
А я сижу на обомшелом шне.

Вдруг вижу:
Сучковатый ставя посох,
Гость запоздалый
Входит в Кибенек.

Сел на бревно.
Сеутулил тяжко плечи.
Заговорил,
Кривя в гримасе рот:
— Решил сюда наведаться
Под вечер.
Днем злой народ
Проходу не дает.

А я молчу.
А я в ответ ни слова.
Лишь давний образ
Сердце мне ожег.
Вот он, осколок
Нашего былого,
Деревня нашей
Свергнутый божок.

Когда-то он
В охотку накричался.
Едва ль не все село
Обматерил.
Умелой лестью
Выбился в «начальство»
И целый год
Родной колхоз зорил.

Он после каждой
Разгуляй-пирухи
В компании
Подвыпивших дружков

Раскатывал со свистом
По округе,
Заезживал
Колхозных рысаков.

Когда в войну
Селяне бедовали,
Обсевки ели
Вместе с лебедой,
Он тискал молодух
На сеновале,
Бесстыдно
Вдовьей пользуясь бедой.

Да, он в тот год
Как сыр катался в масле.
Держал лесного волка
На дому,
Чтоб с жалобой
Иль с просьбой об авансе
Не смел никто
Пожаловать к нему.

Везде расставил родичей,
Знакомых,
Не раз твердил:
— У нас вверху рука.—
Но день пришел —
Узнали все в райкоме, —
И ветром сдуло
Этого божка.

Забыли все
Об этом человеке.
И гнев деревни
Вскорости умолк.

И только
В оспеженном Кибенеке
Выл по ночам
Его голодный волк...
Пока над прошлым
Суд вершил я строгий,
Душа моя от мести отошла.
И понял я,
Что смертная тревога
Его к могилам этим привела.

Глядит на Кибенек
Потухшим взглядом.
Рука дрожит.
И в горле все першит.

— Хочу
В могиле быть с родными
Рядом...
Не знаю, как деревня...
Разрешат?..

Какой-то весь
Опустошенный,
Жалкий,
Лицо в поту
И сапоги в пыли.
— Ты бей челом,
А не дорожной палкой,
Проси прощенья
У родной земли.

Я говорил ему
Без всякой злобы.
А ночь над лесом
Две звезды зажгла.

И встали мы,
И зашагали оба
Ночной дорогой
В сторону села.

И словно это было
В самом деле.
И я опять
Поклясться был готов,
Что родичи усопшие
Глядели
Нам вслед
Глазами синими
Цветов.

И словно вновь
Береза затвердила
(Что над могилой матери
Взошла):
— Живи, мой сын,
Наследник мой,
Правдиво,
Твори одни лишь
Добрые дела.

Пусть знают руки
Тяжкую усталость,
И пусть душа
Не ленится вовек,
Чтоб людям
Имя доброе осталось,
Чтоб о тебе сказали:
«Человек!»

ЦИВИЛЬСКИЙ
МОСТ
ПОЭМА

1

Чуткий мир рассветного покоя.
Тень берез тревожна и легка.
Старый мост над тихой рекою
На коня похож издалика.

В жаркий день
По луговой низине
Конь прошел,
Копытами пыля,
Ткнулся мордой в воду —
И поныне
Неотрывно пьет из Цивилия.

Отсвистели
Зимние метели,
Отшумела грозами весна,
Ноги
У коняги
Затвердели,
Выгнулась железная спина.

Головой к степному раздорожью
Он стоит,
Заласкал пеньем шин,
Отзываясь судорожной дрожью
На призывы
Мчащихся машин.

Повидал он,
Старый бедолага,
Под завязку и добра и зла.
Медленная
Жизни колымага
С тяжким скрипом
По нему прошла.

Сколько мог всего порассказать бы
Этот мост,
Умей он говорить.
Тут со свистом проносились свадьбы,
Жарких троек сдерживая прыть.

Здесь девчата стайками певали,
На свиданье
Вечером идя.
И гробы в молчанье проплывали
Под шуршаньем нудного дождя.

Днем нужда с нуждой
На нем встречались—
С черствой коркой
В холстяном мешке.
Темной ночью воровато крались
Душегубы
С кистенем в руке.

Кто его терпение измерит?
Что он помнит?
Что он позабыл?
Миллионы с берега на берег
Переправил
Этот мост судьбы.

И недаром
Связью жизни вечной,
Крепкой связью
Видится он мне.
День вчерашний —
Где-то там, в заречье,
Нынешний —
На этой стороне.

Век ему стоять,
Не уставая.
Ведь в основе каждого быка —
Не песок,
А кровушка живая,
Не цемент,
А кости мужика.

Чтоб с другими не делиться славой,
Поместили надпись на виду:
«Строенъ мостъ Казанскою Управой
В девятьсотъ... (не разобрать) году».

Та управа
Долго не решалась
Тратиться на мост для Цивилия.
Но судьба решительно вмешалась,
Суховеем выжгла все поля.

Средь могилок ветхих
На погосте
Забелели свежие кресты.
И тогда в село явились гости:
«Хочешь жить —
За хлебец строй мосты».

И пошли односельчане наши,
От мальчика
До деда-ведуна,
За ковригу хлеба,
Миску каши
Умываться потом дотемна.

Ой, тяжки вы, каменные глыбы,
Так тяжки, что аж трещит хребет.
Ясно вижу,
Как с лицом Улыпа¹
Мой земляк
Упрямо сваи бьет.

Нравом тих,
Душою незлобив он,
Этот крепкотельный сын земли.
Но страшнее вешнего разлива
Станет вмиг —
Попробуй разозли.

Не такой ли кинул недовольным
Гневный клич:
— Бери, а не проси! —
Разжигая звоном колокольным
Хлебный бунт
В селе Кашаркасси!

Сбит замок.
Раскрыта «магазея».
Хлеб потек
По жаждущим рукам.
И толпа, испуганно глаза,
Молча придвигалась к смельчакам.

¹ Улып — богатырь, герой чувашской легенды.

Но жандармы,
Словно волчья стая,
Налетели,
Шашками ожгли.
Охнул залп —
И шестерых не стало.
Шесть гробов
На кладбище снесли.

Каторгу, наверно, отбывая,
Спину гнет чувашин молодой.
Яростно вколачивает сваю,
Будто расправляется с бедой.

«Хек!» и «хек!» —
Перебивает баба
Топоров разноголосый стук.
— Хорошо бы... счастье бедняка бы...
К нам пришло...
По этому мосту...

Прокричал жандарм,
Стоящий рядом:
— Ты опять крамольные слова! —
И ударил так своим прикладом,
Что зашлась от звона голова.

— Ну, гляди,
Зменная порода! —
Прохрипел разгневанный Улып,
И жандарма
С верхотуры в воду
Кулачищем богатырским спиб.
Да и сам скользнул
За ним же
Следом.

Грудь пронзило камня острие,
Кончил счет невыносимым бедам,
Вмиг размыкал горюшко свое.

Напоследок прошептал устало:
— Не увижу... свет мой... Марине...
Объясниться духу не хватало...
Уж прости ты...
Эту робость мне...

«Поскользнулся»,—
Земству объяснили
В рапорте
Охранники моста.
Наспех бедолагу схоронили —
Без попа,
Без певчих,
Без креста.

Словно не бывало человека.
Не дождался
Бедный мой Улып,
Как Октябрь
Стал Колоколом Века —
Мир неправый
Вдребезги расшиб.

Как с его семнадцатым ударом
В небо взмыл
Советский алый стяг...
Мост судьбы,
Ты возведен недаром
На крови людской
Да на костях.

Ночь глаза усталые смежает.
Первым в город мой на Цивиле
Утро на автобусе въезжает,
Отражаясь в ветровом стекле.
Едет к центру.
И, как повелось
(Благо их у августа полно!),
Раздает
Лучей своих колосья —
По спону на каждое окно.

Улица минует старый город
И, в низине разомкнув кольцо,
Тяжело взбирается на гору,
Как малыш
На шаткое крыльцо.

Не вчера ль
Домишки-развалюхи
Никли здесь в тени карагачей.
Город рвет,
Как бочка медовухи,
Тесный скреп окраин-обручей.

Новеньких кварталов вереница
От реки
Все дальше в степь идет,

Где стояла земская больница
С топодем у каменных ворот.
Словно доктор в стираном халате,
Тополь пациентов тут встречал.
А зимой к единственной палате
Волки приходили по ночам.

Ни следа той бедности вчерашней.
Город весь в строительных лесах.
И своя останкинская башня
Все смелее шарит в небесах.

С городским сдружилась непокоем
Прибережных парков красота.
Ожерельем блещет над рекою
Арка освещенного моста.

Скажут:

— Взял ты образ не по чину.
С возрастом вступаешь
Не в лады,
Потому, как числишься
Мужчиной
Далеко уже не молодым.

Это парню-ухарю
Сподручней
С ожерельем
Сравнивать мосты.
— Подожди,
Мой критик неразлучный,
Не гони,
Не спугивай мечты.

Иль не наша молодость ходила
С песней тут
В тридцатые года?
Иль не нас дорога выводила
Из далеких деревень
Сюда?

Позванная партией родною
Взяться за учење горячо,
Юность шла
С котомкой за спиною,
С вязкою лаптей через плечо.

Шла,
Из тех из чертовых куличек,—
Или ты забыл, читатель-друг,—
Чтоб свою державу возвеличить,
Чтоб дойти до сути всех наук.

Гасли
Ветра низовые токи.
Полевая пела тишина.
И вставало солнце на востоке
Как ржаная свежая копна.

Этим далям я не посторонний,
Берегам цивильским —
Не чужой.
Только память
Незначай затронет
Те года,
Что за войной-межой,—

И одна картина за другою
Перед взором мысленным встает.

Под высокой радугой-дугою
Колокольчик свадебный поет.

Бьются льдины, уплывая в Волгу,
Льнет туман
К прибрежному кусту.
И стоят в молчанье
Долго-долго
Паренек с девчонкой на мосту.

Прозвени гармоникой двухрядной,
Юности орлиная душа,
И любовь,
Жарка и безоглядна,
И печаль,
Как песня, хороша.

Мы тогда не жили —
А боролись,
В диспутах взрослели и росли,
С Чкаловым летели
Через полюс,
Трактора с Ангелиной вели.

Боль Мадрида
Стала нашей болью.
О, как Франко нас ожесточал!
И на каждом комсомольском сборе
Гневный клич:
«Но пассаран!» —
Звучал.

«На село культуру
Двинуть надо», —
Брошен клич.
И по воскресным дням

Отправлялась в путь
Агитбригада
По глухим заречным деревням.

Вурманкас,
Старак,
Не позабыли
Вы лихой рабфаковский отряд?
Тех, что и пахали,
И косили,
И плясали
Чуть не до утра?

Ходуном ходили
Доски клуба.
Как ромашки, девушки цвели,
Скажешь ей:
— Давай дружить, голуба.—
А она:
— Пустое не мели...—
Ночь шуршала влажными кустами,
Ночь дышала запахами нив,
Словно бы незримыми мостами
Юные сердца соединив.

С книгой
Мы дружили вдохновенно,
С песней,
С поэтической строкой.
И тревоги
Резкая сирена
Не рвала предутренний покой.

Но на огневой площадке тира,
Где стрельбе
Нас военрук учил,

Чуялось,
Что эти нити мира
Век двадцатый
Слишком источил.

Возвращаясь по мосту, со стрельбищ,
Пели мы
Любимую одну:
«Дан приказ: ему на запад,
Ей в другую сторону».

3

Та беда пришла без промедленья.
Зверь вломился,
Яростен и лют...
Был июнь.
И было воскресенье.
Шел базарить деревенский люд.

Легкие,
Белее маскхалата,
Над дорогой плыли облака.
Ветер нес
Тревожный запах мяты.
Чуть дымилась сонная река.

Хорошо таким вот утром летним
Развалиться на ковре травы
И мечтать о чем-то о заветном
И глядеть в бездонье синевы.

Надо подготовиться толково —
Время для экзаменов пришло...
Это что ж, директора Цветкова
На луга заречья занесло?

Из-под кепки с козырьком помятым
Выбилась густая седина.
— Ну-ка, мигом в техникум,
Ребята! —
И с коротким выдохом:
— Война!!!

Под ремень
Пустой рукав заправил,
Чуть пригладил
Пятернею всей:
— Надо, чтоб сегодня
Ты составил
Список добровольцев,
Алексей.

Есть присловье:
Чтобы взрослый разум
Дать мальчонке —
Мало ста потов.
Мы в то утро
Повзрослели разом
Вместе с непреклонным:
— Я готов!

Строгий луч
Директорского взгляда
Выветил все наше существо.
Жизнь,
Прости нам детскую браваду,
Молодое наше хвастовство.

Жили мы,
Во след отцов ступая,
Верою отцовскою сильны.
Легендарной буркою Чапая
От грозящих бед заслонены.

Мы гордились
Их делами всеми,
Их октябрьской славой,
Их борьбой.
Но сегодня наступило время
Нам самим
Идти на смертный бой.

Годы клонят скорбные знамена,
И печаль высвечивает стих.
Я тебе, читатель, поименно
Назову ровесников моих.

Герка Львов —
Наш белобрысый «Германи».
Чуть пробилась
Над губой усы.
Он на нашем курсе
Самым первым
Займел карманные часы.

Тихий, скромный Николай Мидяков —
Из таких, что воду не мутят.
Сверстники, в войну его оплавав,
И поныне по нему грустят.

Слышу бас Сучкова Алексея:
— И меня, пожалуйста, пиши!—
Богатырь, по прозвищу «Расея»,
Человек отзывчивой души.

Было нас тринадцать
В этом списке.
Вроде не великое число...
С той поры
Могилы-обелиски
Тридцать раз
Снегами замело.

Тридцать раз
Весна стучалась в двери,
Старых ран
Растравливая боль.
Кто, какую мерою измерит
Тех парней
К отечеству любовь?!

Родина...
Береза над обрывом...
Старый дом
С вертушкой на коньке,
Жеребенок, с покриком счастливым
По траве сбегаящий к реке.

Облаков блистающая пена.
Шорох трав
И выцелк соловья...
Этому всему
Какую цену
Ты положишь, строгий судия?

В полевой тиши?
В рассветной сини?
В облетевшей рощице нагой? —
Где она берется,
Эта сила,

Что солдат кидает
На огонь?!

Вот уже на площадь
Нас выносит
Толп людских
Рокочущий прибой.
Полдень. Митинг.
И ребята просят:
— Свет Алеша, слово за тобой.

Плач и гомон.
Теснота и давка.
Женских слез тоскующий надрыв.
Даже небо плачет, как солдатка,
Солнце
Черной тучею закрыв.

Говорят ораторы с балкона.
Словно гири падают слова:
«Фронт»... «Окоп»...
«Атака»... «Оборона»...
«Долг»... «Отвага»...
«Родина»... «Москва»...

Выступила девушка.
За нею
Мой черед.
Протиснулся бочком.
— Не смущайся, выступай ровнее,—
Улыбнулся
Старый военком.

Сердце захолонуло от страха.
Руки замахали, как цепи.
— Крой их, гадов,
Красная рубаха!—
Слышу
Чей-то голос из толпы.

Крепко стиснул
Поручней железо,
Проглотил
Застравший в горле ком.
И сказал:
«Мы их...
Пускай не лезут!»
— Молодчина,—
Хвалит военком.—
А на фронт,—
Смеется,—
Потершите.
(Видно был наш военком не прост!)
Вы покуда знания копите
Да ночами охраняйте мост.

Ой, и встречи в тот июнь бывали!
Даже и теперь неловко мне.
По рубахе красной узнавали:
— Что ж, оратор,
Ты не на войне?!

Ночи, ночи горестного лета,
Как вы невозвратно далеки.
Не смотреть нам больше с парашета
На полуду стынущей реки.

Даль заката кровью напнталась,
Тишина тревогою полна.
Только ль это
В памяти осталось?
Горечь ли одну хранит она?

Эти ночи дороги и любви
Тем, что в них
Любовь моя зажглась.
Не забыть мне дрогнувшие губы,
Тихий свет
Твоих печальных глаз.

Час стоим
И два стоим, бывало.
Словно к парашету
Приросли.
Ты меня украдкой целовала,
Чтоб другие видеть
Не могли.

В бой жестокий
Юность уходила.
А когда пришел черед и мой,
Ты словами песни проводила:
«Жду тебя с победою домой».

В чем-нибудь тебя я упрекну ли,
Хоть теперь и знаю —
Не ждала!
Ведь любовь к тебе
Меня от пули

И от смерти
Столько раз спасла.

Ты живешь теперь
В глубинке где-то.
Дом, и сад,
И ветлы над рекой.
Добрый муж,
Внимательные дети.
Нет, я не нарушу твой покой.

Даже имя
Пусть пребудет в тайне.
Не сужу тебя —
Благодарю!
За любви короткое блистанье
«Милая»,
Как прежде, говорю.

И сейчас
Стоит перед глазами
Холст реки, нырнувшей в темноту.
Ночь шуршит
Колхозными возами,
Ночь скрипит
Трехтонок тормозами —
Двигается войско по мосту.

Он трудился, устали не зная,
Этот мост в чувашской стороне,
Стойкостью своей напоминая
Родину, мужавшую в огне.

Кровью отвоеваны немалой
Каждый метр
И каждая верста.
В горький час
Нам силы придавал он,
Милый образ —
Старого моста.

На высотах бой кипел неистов.
Били пушки.
Пулемет частил.
Вырос Германи на пути фашистов.
Сам погиб,
Но танк не пропустил.

О тебе есть тоже извещенье,
Николай, спокойная душа,
Как ты до последнего мгновенья
Поливал врагов из ППШ¹.

Заметала фронтовая вьюга
Все пути-дороги надо Мгой.
Пал, спасая раненого друга,
Алексей, волгарь мой дорогой.

¹ П П Ш — автоматическое оружие.

Юные,
Вы смертью смерть попрали
(Боль утраты, обожги мой стих!),
Чтоб непоколебимыми стояли
Нашей жизни прочные мосты.

Так работай вечером и утром,
Мой знакомец,
Мост на Цивиле,
Будь как жизнь внимательным
И мудрым,
Помогай движенью на земле.

Так трудись
На стройке всенародной,
Как и полагается мосту.
Из Вчера переводи в Сегодня
Искренность,
Заботу,
Доброту.

Ставь заслон дяляге и чинуше,
Не давай дороги крикунам.
Пусть чужинкой травленные души
Не пройдут на этот берег,
К нам.

Ничего отжитого,
Гнилого
В нынешние будни не пусти.
Но живым традициям былого
До потомков помощи дойти.

Просветлела хмурая округа...
Не заметил,
Думой занятой,
Как шагает солнышко по лугу
В сандалетах с пряжкой золотой.

Нет, не солнце —
Сельские девчата
На базар на городской спешат.
Озорно хохочут,
Верещат.
Лица загорелые лучатся.

Видно, бригадира упросили
И бегут-торопятся чуть свет.
Только что озимые скосили,
В поле дел пока особых нет.

Каблучки процокали по мосту —
К Цивилю тропинка повела.
Ох, понять вас, женщины, не просто!
Всюду подавай вам зеркала.

Смыли пыль водицею речною,
Заиграла девичья краса.
Ветром да гребенкой костяною
В три витка уложена коса.

Утро в город медленно вступает.
И базар все громче гомонит.
Чем торгуют?

Что здесь покупают?
Чем базар сегодня знаменит?

Тканей, парфюмерии —
Навалом,
Модным радиолам нет числа.
Но не вижу сельского товара,
Умерли секреты ремесла.

Сколько ни ищи ты оправданий,
Сколько ты в затылке ни скреби,
Был пестрее нынешнего
Давний
Тот базар,
Воспетый Шелеби¹.

Ни телеги не видать в продаже,
Ни простой узды,
Ни хомута,
Ни горшка,
Ни ковшика,
Ни пряжи,
Ни с веселой строчкою холста.

Не толкитесь меж столов, разини,
Не мозольте попусту очей.
Нынче предлагают в магазине
Тысячи — на выбор — мелочей.

Жизнь села
Сроднилась с новым бытом,

¹Шелеби — народный поэт Чувашии. У него есть стихи о цивильском базаре.

Потеряла силу старина.
Но порой взгрустнется о забытом:
— Нет у вас в продаже тагана?¹

— Тагана? —
И удивленно: — Что вы?!
Мы торгуем вовсе не старьем. —
И язвит в неведенье своем: —
Где вы отыскиали это слово?!

Мы о них не понаслышке знали
В те — не за горами — времена.
Малышей повсюду окунали
В старые долбленки-тагана.

Свежей силой наливалось тело.
Нас совали в воду
С головой,
Чтоб держались в море жизни
Смело,
Не страшась погоды штормовой.
В этом море всякое бывало
И с тобой, ровесник, и со мной, —
И крутыми волнами бывало,
И секло крупною ледяной.

В испытаньях воля закалялась,
Мужество гражданское росло.
Обходились без нытья и жалоб,
Хоть бывало ой как тяжело!

¹ Тагана — деревянная купель (чуваш.).

От отца, на похвалу скупого,
Не слышал ни разу:
«Посиди».
После трех:
«А ну, берись за повод», —
В десять лет:
«Сынок, соху веди».

А в минуты редкого безделья
Сам Цивиль приманит пацана.
Был он нашей общею купелью,
Был он нашим главным тагана.

Цивилю поклон я посылаю!
Ведь оттуда,
От родной реки,
Поднимался в небо Николаев,
Чтоб низать
На шар земной
Витки.

Скажут, мол, напрасно про корыто.
Тоже мне потеря — тагана!
Тут дорога в космос приоткрыта,
Много раз облетана Луна.

— Мне ль, — отвечу, — с техникою спорить,
Сам когда-то
Вел ее в село.
Но зачем же
С нашим веком ссорить
Древнее живое ремесло.

Много ль
Мастерицы вяжут кружева
Много ль
Из лозы плетут корзины?
Столяры где?
Аромат их стружек
Вездесущий перебил бензин.

Где увидишь нынче
Круг гончарный,
Где найдешь в деревне печника.
Потянуло, видимо, недаром
Печи класть
Поэта Васюка.

Золотыми славились руками
Села зацивильские давно.
Мастерство, что берегли веками,
Уходить из жизни не должно.

Глубже пусть становятся,
Не мельче
Души сыновей твоих, страна.
Пусть таланты каждого умельца
Наше время выявит сполна.

Чтобы нас не «винтиками» звали,
А высоким именем —
Творцы.
Разве не за это проливали
Кровь
И мы,
И деды,
И отцы.

Самый полдень.
Солнышко в зените.
Я стою посереде моста.
Как похож на птицу он,
Взгляните,
Два крыла могучих
Распластал.

Всех нас жизнь
Суровой меркой мерит,
Выявляя подлинную суть.
С чем иду
На тот,
На новый берег?
Груз какой
В тот новый день несу?

Что за птица?
Из гнезда какого?
С иволгой,
С коростелем ли схож?
По словам доцента Канюкова,
Сеспеля вовек не превзойдешь.

Говорю и ныне
Но спасибо
Я судьбе
За все ее труды.

Пили и настойку из полыни,
Но не пропустили и меда.

Стала прошлым
Горькая година.
Песня, славь
Надежду и мечту!
Пятьдесят... Полвека...
Середина...
Ветра гул на утреннем мосту.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово, отмеченное печатью народности *В. Кочетков* 3

Стихи

«Чем стану я...» <i>Перевод Э. Балашова</i>	9
Высокая волна. <i>Перевод Э. Балашова</i>	10
Приглашение в Чувашию. <i>Перевод В. Кострова</i>	11
Из окна самолета. <i>Перевод В. Кострова</i>	12
Передняя. <i>Перевод Э. Балашова</i>	13
В поле. <i>Перевод Э. Балашова</i>	14
Золотое кольцо. <i>Перевод Э. Балашова</i>	15
День Победы. <i>Перевод Э. Балашова</i>	16
Проводы. <i>Перевод В. Кострова</i>	18
«У птички пушистой, как верба...» <i>Перевод</i> <i>Э. Балашова</i>	21
Средь широкого поля... <i>Перевод Э. Балашова</i>	22
Число два. <i>Перевод В. Кострова</i>	24
«Разъято небо журавлиным клином...» <i>Перевод Э. Балашова</i>	25
«Скорей, художник...» <i>Перевод Э. Балашова</i>	26
В лесу, после бури. <i>Перевод Э. Балашова</i>	27
Учйк. <i>Перевод Э. Балашова</i>	28
Симель. <i>Перевод Э. Балашова</i>	29
«Жил спокойно, не любя...» <i>Перевод В. Кострова</i>	30
На свадьбе. <i>Перевод В. Кострова</i>	32
Поцелуев лог. <i>Перевод В. Кострова</i>	34
Уводит парень девушку. <i>Перевод В. Кострова</i>	36
Петухи. <i>Перевод В. Кострова</i>	37
Кырлач и Нарс. <i>Перевод В. Кострова</i>	38

Роса в глазах. Перевод Э. Балашова	40
Ветла. Лирический монолог. Перевод В. Кочеткова	41
Кибинек. Поэма. Перевод В. Кочеткова	65
Цивильский мост. Поэма.	
Перевод В. Кочеткова	95

ИБ № 1175

**Алексей Александрович
Воробьев**

КОЛОДЦЫ

Стихи и поэмы

Редактор
В. БОЯРИНОВ

Художник
Э. ШАГЕЕВ

Художественный редактор
В. ПОКУСАЕВ

Технический редактор
Л. ДУНАЕВА

Корректор
Г. ФРОЛОВА

Сдано в набор 11/XI-1977 г. Подписано к печати 3/III-1978 г. А09333. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 4,0. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 4,33. Тираж 10 000 экз. Заказ № 6719. Цена 55 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Просим Вас отзывы о книге, ее содержа-
нии, художественном оформлении и поли-
графическом исполнении, направлять по
адресу:*

**121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»**

